

УДК 165
ББК 87.22
Щ – 61

Щербаков Дмитрий Александрович, аспирант кафедры философии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета, т.: 8(929)2825707, e-mail: am720@ya.ru

ЦЕННОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

(рецензирована)

Статья посвящена исследованию ценностной зависимости теоретической концепции В. О. Ключевского. Ставится задача выявления соотношения аксиологических и методологических детерминант исторической теории. Посредством анализа текстов научно-исторических работ учёного и его дневниковых записей, автор выявляет конституирующую роль ценностных представлений историка в основных положениях его научной теории.

Ключевые слова: историческое познание, теория, факты, концепция, ценностная детерминация.

Shcherbakov Dmitry Alexandrovich, post-graduate student of the Department of Philosophy and Religion, Orenburg State Pedagogical University, tel.: 8 (929) 2825707, e-mail: am720@ya.ru

VALUABLE DEPENDENCE OF HISTORICAL THEORY

(Reviewed)

The article is devoted to the investigation of valuable dependence of the theoretical concept of V.O. Klyuchevsky. The aim is to identify the relation of the axiological and methodological determinants of historical theory. Analyzing the texts of scientific and historical works of the scientist and his diary, the author reveals the constitutive role of value concepts of the historian in the basic provisions of his scientific theory.

Keywords: historical knowledge, theory, facts, concepts, value determination.

При изучении роли ценностей в историческом познании особый интерес вызывает вопрос о специфике ценностной детерминации исторических теорий. Нашей

задачей является проверка предположения, что теоретические построения историков также как и научно-исторические факты несут аксиологическую нагрузку, обуславливающую рациональную информацию о прошлой социальной действительности. Второй задачей выступает выявление соотношения аксиологических и методологических детерминант исторической теории.

М. А. Кукарцева и Е. Н. Коломоец в статье «Историография и историческое мышление» отмечают, что «самые общие теории истории и самые конкретные приёмы анализа истории глубоко погружены в культуру и каждодневную жизнь людей» [1, с. 32]. Генетическая связь исторической теории и смыслообразующих основ той или иной культуры нераздельна. Поэтому в историческом знании ценностные представления слиты с информацией о действительности. Теории, описывающие и объясняющие, что и как было «на самом деле», выражают то, как это было воспринято и понято историками. Б. Г. Соколов в книге «Гипертекст истории» пишет: «в бесконечности окружающих нас вещей мы изначально выделяем для нас наиболее значимое и видим то, что для нас представляет определённую ценность, наконец, то, что даётся нам видеть нашей культурой» [2, с. 95]. Мы придаём этой мысли значение эпистемологической истины и также считаем, что «история – это не просто череда событий, но и взгляд, который выстраивает эти события определённым образом, т.е. размерность, конфигурация «взгляда» человеческого сознания. Взгляда, с помощью которого человек выстраивает окружающий мир, делая его близлежащим и экзистенциально значимым» [2, с. 97]. Форма и, что гораздо важнее, само содержание теории есть продукт этого «взгляда». Поэтому, даже тогда, когда разные историки смотрят на одно и то же, то, что они видят – различается в зависимости от экзистенциальных ценностей этих учёных.

Если формой исторической теории является описание некоторого процесса, то это ещё не значит, что содержанием описания выступает только информация о прошлой объективной действительности. В содержании описания выражается и духовный мир исследователя. «Взгляд человека – взгляд исторически определённого человека; а то, что этот взгляд видит – говорит как о предмете, который воздействует на человека, так и о самом человеке» [2, с. 96]. Во многом это объясняется тем, что «историк не может обойтись без проецирования на историю форм своего разума (независимо от того, считает ли он эти формы достаточно точно воспроизводящими

формы истории или нет), ибо мир, включая историю, дан ему только как проекция форм его собственного сознания» [3, с. 220].

Говоря о теории в исторической науке, мы придерживаемся широкой современной трактовки, согласно которой, теория означает «осмысление в понятиях тех или иных эмпирических наблюдений» [4, с. 312]. В соответствии с ней, любые термины-понятия, а также, раскрытый смысл явлений являются продуктами теоретизирования. О том, насколько сильно исторический дискурс «пропитан» теорией, можно судить хотя бы по названиям научных работ. Например, название монографии Э. Вебера «Из крестьян во французы: модернизация сельской Франции, 1870 – 1914» по сути «всё состоит из теоретических понятий или концептов: крестьяне, французы, модернизация, сельская Франция, и, наконец, просто Франция, не говоря уже о рассматриваемом периоде» [4, с. 314], который концептуализируется в рамках стадиальных моделей развития европейской экономики.

«В историческом дискурсе, как и в любой науке, можно выделить два «идеальных типа» теорий – описание и объяснение» [4, с. 330], причём они представляют собой равнозначные типы теорий. Другими словами, «теория-описание не является менее «теоретической», чем теория-объяснение» [4, с. 331]. Объяснение, отвечающее на вопрос «почему?» и раскрывающее причинно-следственные связи столь же присуще истории, как и точным наукам. Однако в истории форма объяснения отличается от объяснения через подведение под общий закон, которое используется в естествознании. Помимо уже рассмотренного нами «рационального объяснения», в истории применяется также объяснение через описание и через сопоставление действий с общепринятыми правилами.

Кроме категоризации явлений, выделения их смысла и значения, кроме установления причинно-следственных связей и выявления направления развития исторических явлений, к области исторического теоретизирования относится структурирование образа прошлого, деление хода исторического процесса на периоды, века или эпохи. Периодизация, разделяющая прошлое в нашем сознании на отмеченные особым культурным содержанием отрезки не присуща самому ходу исторического процесса – она лишь инструментальное средство для создания картины прошлого.

Связь теоретического мышления с ценностным сознанием тесная, но не прямая. Ценности историка влияют на построение теории, но не определяют жестко и однозначно её характер и содержание. В качестве case study рассмотрим преломление аксиологических представлений В. О. Ключевского в его общетеоретических взглядах и в концепции исторического развития России, изложенной в «Курсе русской истории». Ряд записей, сделанных историком в своём дневнике, многие рассуждения в текстах исторических работ и общеизвестные биографические данные, свидетельствующие о жизненном пути великого историка, позволяют реконструировать мир его ценностных представлений, понять, что, почему и насколько ценил учёный, и как это повлияло на его историческую концепцию.

На основании многочисленных высказываний В. О. Ключевского можно утверждать, что он очень высоко ценил умственный труд и нравственный подвиг в жизни человека. Деятельная мысль и самоотверженный труд ради ближнего полагались им за основу и условие достижения всех прочих человеческих благ, среди которых – плоды разумного овладения силами природы и выработка разумных, справедливых, гармоничных общественных отношений.

Сопоставим два отрывка из текстов учёного. Первый даёт представление о его ценностях, второй – о теории исторического процесса. В своём дневнике В. О. Ключевский писал: «если наши опыты, уроки переживаемой нами действительности имеют какую-нибудь цену, то лишь потому, что они настойчиво укореняли в нас сознание необходимости в народной жизни некоторых начал, некоторых основных условий развития и научали нас ценить их как лучшие человеческие блага. Эти начала привыкли сводить к двум главным: чувству законности, права в мире внешних отношений и к деятельной мысли в индивидуальной сфере. В развитии и упрочении этих благ всё наше будущее, всё наше право на существование» [5, с. 362]. Второе высказывание есть плод размышлений учёного об основном смысле явлений исторического процесса. «История слагается из двух великих параллельных движений – из определения отношений между людьми и развития власти мысли над внешним фактом, т.е. над природой» [5, с. 368]. Нетрудно заметить смысловую связь обоих высказываний, их общий мировоззренческий фундамент. Сопоставив оба утверждения, можно сделать вывод, что видение названных составляющих исторического процесса в качестве его основных компонентов продиктовано

ценностями учёного. Глубинный смысл исторического движения заключается, по словам Ключевского, в реализации этих человеческих ценностей. Стремление к тому, что учёный называет лучшими человеческими благами, квалифицируется им как главные сущностные компоненты исторического процесса.

Анализируя ход истории по названным направлениям, учёный констатирует как факт, что «одно основное движение исторического процесса идёт быстрее и прямее другого: власть духа над материей развивается быстрее, чем определяются человеческие отношения; законы духа и законы природы сознаны яснее и скорее, чем законы жизни человеческих обществ; там, <...> где столько сил природы покорно работают на человека, в общественных отношениях заметно и сильно действует ещё много черт, относящихся по своему характеру к поре первоначальных варварских обществ» [5, с. 369]. В этих словах представлена наиболее общая картина хода истории и его результатов. Человеческий дух, посредством работы разума и физического труда покоряет и использует силы природы и выстраивает желательные, гармоничные отношения между людьми. К этому, по мнению Ключевского, сводится вся человеческая деятельность, наблюдаемая в истории. Одна часть исторического процесса есть область нравственности, права и политики, другая – область науки и экономики.

Во многих высказываниях учёного подчёркивается ценность разума, ценность бодрости мысли. «Быть счастливым значит быть умным» [5, с. 46]. «Самый дорогой дар природы – весёлый, насмешливый и добрый ум» [5, с. 73]. Сам историк был щедро наделён этим даром. Современники профессора единодушно отмечали сочетание отточенности мысли в читаемых им лекциях с добрым юмором. «Что такое счастье? Это возможность напрячь свой ум и сердце до последней степени, когда они готовы разорваться» [5, с. 56]. Когда мы читаем дневниковые записи Василия Осиповича, то обращаем внимание на созвучие его аксиологических и исторических представлений. «Высший момент – наслаждение собственной мыслью, победившей природу» [5, с. 107], - пишет историк в дневнике. Параллель с теоретической схемой очевидна. Развитие власти мысли над природой – это, по словам учёного, одно из главных составляющих исторического процесса.

Несмотря на столь явно манифестированные ценностные основания схемы исторического процесса, знание о конкретных его проявлениях напрямую не зависит

от ценностей. Приведённые утверждения дают лишь самое общее видение смысла происходящего. Исследование конкретных фактов и высказывания о них больше зависят от эмпирического материала источников и, в конечном счёте, от прошлой социальной действительности. Ключевский не идеализирует прошлое любимой им Родины и не ищет в неведомом прошлом только развитие наук и примеры бескорыстного служения общему благу. Созданная многолетним трудом учёного широкая панорама российской действительности представляет собой детальный анализ исторических явлений. Рассмотрение конкретных проявлений исторического процесса ведётся на основе многофакторной концепции исторического развития.

Переход от наиболее общих моментов концепции исторического процесса к определению и изложению составляющих его деталей у Ключевского сопровождается усилением роли методологических соображений, логике которых подчиняется ценностное влияние. Учёный не рассматривает исключительно развитие науки и успехи разума как определяющие факторы исторического движения. При исследовании прошлого он не сосредотачивает своего внимания только на духовно-нравственной жизни как на том главном, что определяет и совершенствует отношения между людьми и развивает исторические формы человеческого общежития. Напротив, Ключевский обращается к фактам политическим и экономическим, анализ и описание которых создаёт панораму исторического развития России. Учёный создаёт многофакторную концепцию исторического развития, которая демонстрирует отсутствие прямого диктата ценностных представлений в теоретическом описании и объяснении явлений.

Так, периодизация исторического процесса, являющаяся важным аспектом теоретического конструирования образа прошлого, у Ключевского основана на выделении ведущих экономических и политических фактов, определяющих своеобразие жизненных укладов или «форм общежития», возникших в процессе колонизации просторов страны. Периоды русской истории – это «этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны <...>, это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устраивалось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке» [6, с. 27]. Учёный писал: «колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой

или отдалённой связи стояли все другие её факты» [6, с. 27-28]. Отметим, что квалификация названного исторического явления в качестве «основного факта» напрямую никак не обнаруживает ценностную обусловленность данного утверждения. Значит, мысль учёного двигалась от объективно данного в эмпирическом опыте явления, а не от ценностно зависимой, априорно существующей руководящей идеи.

Далее, Ключевский перечисляет обусловленные колонизацией периоды отечественной истории – днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский, «указывая в каждом из них господствующие факты, из коих один – политический, другой – экономический и обозначая при этом ту область равнины, на которой в данный период сосредоточивалась масса русского населения» [6, с. 27]. Содержание этих фактов изложено во второй лекции его «Курса русской истории». Характеризуя эти периоды, «помимо географических условий (Русь Днепровская, Русь Верхневолжская, Русь Великая, Московская), в которых жила основная масса населения, Ключевский одновременно выделял политический (удельно-княжеский, царско-боярский, императорско-дворянский), социальный и хозяйственно-экономический (городовая, торговая; вольно-земледельческая, военно-землевладельческая, крепостная) критерии» [7, с. 175]. Основания данной периодизации, не обнаруживающие явной связи с ценностями учёного, ставят под сомнение наше предположение о наличии таких связей. Складывается впечатление, что это теоретическое построение руководствуется только научно-методологическими принципами и эмпирическими данными.

Однако зависимость между ценностями и этой частью исторической концепции существует. В. О. Ключевский пишет: «полагая в основу исторического изучения процессы политические и экономические, я не хочу сказать, что историческая жизнь состоит только из этих процессов и что историческое изучение должно ограничиваться канцеляриями да рынками» [6, с. 32]. Учёный подчёркивает, что значение выделения данных фактов в качестве основных только методологическое: «подступая в изучении к известному обществу с политической и хозяйственной стороны его жизни, мы входим в круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые уже перестали быть делом отдельных умов, личных сознаний и стали достоянием всего общества, факторами общежития» [6, с. 32]. Поэтому, политический и экономический порядок того или иного исторического периода

признаётся показателем его умственной и нравственной жизни, интерес к которой обусловлен ценностями историка. Хозяйственный уклад и политический порядок «настолько могут быть признаны такими показателями, насколько они проникнуты понятиями и интересами, восторжествовавшими в умственной и нравственной жизни данного общества, насколько эти понятия и интересы стали направляющими юридическими и материальными его отношений» [6, с. 33]. Мы убеждаемся в том, что познание политических и экономических фактов является не самоцелью, а средством для изучения умственных и нравственных понятий того или иного времени, проявлений духовной жизни общества, т.е. того, что представляло наибольший интерес для историка вследствие осознания особой ценности этих сторон жизни.

В. О. Ключевский считал, что политика и экономика – «это различные области жизни, мало сродные между собою по своему существу. В той и другой господствуют полярно противоположные начала: в политической – общее благо, в экономической – личный материальный интерес; одно начало требует постоянных жертв, другое – питает ненасытный эгоизм» [6, с. 33]. Государственный порядок основан на власти и повиновении, а экономическая жизнь представляет собой область личной свободы и личной инициативы, как выражения свободной воли. Но энергия личного материального интереса есть только средство обеспечения личной свободы. Достигнутая посредством хозяйственной деятельности умственная и нравственная свобода «выражается в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую» [6, с. 34]. Так устанавливается соглашение вечно борющихся начал. Во имя общей пользы общественное сознание сдерживает произвол личного эгоистического интереса, не стесняя при этом законного простора его проявления. Поэтому, «взаимным отношением обоих начал, политического и экономического, торжеством одного из них над другим или справедливым равновесием обоих измеряется уровень общежития, а то или другое отношение между ними устанавливается степенью развития общественного сознания и чувства нравственного долга» [6, с. 34]. Благодаря этому возможно объективное изучение невидимых, духовных элементов общежития. Степень их развития выясняется «самим ходом событий политической жизни и связью явлений жизни экономической» [6, с. 34]. Проверка выводов, полученных в ходе наблюдения указанных явлений, осуществляется через изучение памятников законодательства, практики управления и

суда. Памятники права и хозяйства отражают колебания в достижении равновесия и гармонии между противодействующими социальными началами. Изучая их, историки получают возможность определять нравственное состояние общества не по своим «субъективным впечатлениям или предположениям и не по отзывам современников, столь же субъективным, а по практическому соотношению элементов общежития, по степени соглашения разнородных интересов, в нём действующих» [6, с. 35].

Прослеживая цепь этих умозаключений Ключевского, мы видим, что для раскрытия вопросов, продиктованных его ценностными установками, используется приёмы объективного изучения тех исторических явлений и сторон прошлой социальной реальности, значение которых внешне напрямую не связано с ценностями учёного. Видя опосредованность ценностно обусловленных научных интересов методологическим аппаратом исследования, мы можем заключить о взаимодополнительности ценностных и методологических регулятивов исторического исследования.

Интересно, что видение исторического значения явлений прошлой действительности, интерес к которым напрямую связан с ценностями историка, подчинено не мировоззренческим ценностным установкам, а логике размышления над материалом наблюдений. Например, историческое значение такого нравственного подвига, как христианское отречение от мира, видится Ключевским в содействии народной колонизации необжитых окраин страны и их хозяйственном освоении. Историк пишет: «первоначальная идея иночества не померкла, но местные нужды осложнили её интересами, из неё прямо не вытекавшими, превратив тамошние пустынные монастыри частью в сельские приходские храмы и убежища для престарелых людей из окрестного населения, частью в бессемейные землевладельческие и промышленные общины и опорные пункты, своего рода переселенческие станции крестьянского колонизационного движения» [6, с. 23-24]. Факт духовно-нравственного порядка – уход многочисленных подвижников христианства в глухие леса заволжья с целью достижения христианского совершенства рассматривается в его связи с «основным фактом» русской истории – колонизацией. В своей работе «Древнерусские жития святых как исторический источник» Ключевский свидетельствует, что «он обратился к древнерусским житиям, как к самому обильному и свежему источнику для изучения одного факта

древнерусской истории, участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси» [8, с. 3]. Из этого мы заключаем, что рационально осознанная задача научного исследования этого конкретного факта русской истории была продиктована концептуальными и методологическими соображениями, а не ценностными. Ценностные интересы могут задавать только общую направленность научных интересов и научного поиска. Выяснение же частных аспектов или конкретных явлений исторического процесса подчинено, в первую очередь методологическим детерминантам.

Область умозрительной философии истории – рассуждать о значении идеи отречения от мира во всемирно-историческом процессе освобождения человечества от порабощённости низшим природным стихиям. Такие размышления мы находим, в частности в известной историко-философской работе Н. А. Бердяева «Смысл истории», в которой философ пишет, что преодоление подвластности человека низшей природе, «это великое дело, центральное в судьбе человека, было совершено христианскими святыми» [9, с. 91]. Философское осмысление вполне определённых исторических явлений, таких как христианское подвижничество, приводит к широким обобщающим утверждениям об их смысле и значении. Например, Н. А. Бердяев пишет, что «титаническая борьба со страстями мира, которую вели христианские подвижники и отшельники, совершила дело освобождения человека от низших стихий» [9, с. 91-92]. В целом, данное суждение остаётся в русле спекулятивной философии истории Гегеля, согласно которой «всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы» [10, с. 529]. Подобные рассуждения об истории отталкиваются не от эмпирических данных, а от априорных мировоззренческих принципов. Историк-учёный не имеет на это полномочий. И в данном случае, Ключевский остаётся в области установления эмпирически подтверждаемых объективных фактов, а не в сфере философских размышлений. Духовно-нравственному значению монашеского подвига у Ключевского посвящена отдельная статья о преподобном Сергии Радонежском [5]. Но в обобщающем «Курсе русской истории» учёный, двигаясь от фактов объективной действительности, усматривает задействованность и проявление в них идей внутреннего порядка и оценивает значение этих идей по их воздействию на внешнюю сторону прошлой действительности.

Видение учёным основных движущих сил исторического развития также обусловлено теоретической схемой, выстроенной в соответствии с теми же ценностями. В «Русской истории» В. О. Ключевский пишет: «умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития, они кладут наиболее прочные основы житейского порядка, соответствующего истинным потребностям человека и высшему назначению человечества» [6, с.35]. Данное теоретическое высказывание содержит сильную аксиологическую нагрузку. Имплицитной предпосылкой утверждения о ведущей роли умственного труда и нравственного подвига в ходе истории служит авторское представление об «истинных потребностях человека» и «высшем назначении человечества». Очевидно, что и то и другое есть аксиологические концепты, философские основания теории. Невысказанное здесь явно предположение о высшем назначении человечества служит смыслополагающим ориентиром, по которому сверяется направление развития общественных отношений и ход истории. Мы не имеем конкретного описания образа наилучшего устройства жизни общества, однако ясно, что этот идеал в сознании Ключевского таков, что его реализация требует именно тех средств, которые здесь указаны. Стоит добавить, что умственный труд и нравственный подвиг, которым придаётся столь важное значение играли огромную роль в жизни самого Ключевского – учёного и педагога. То, чему человек посвящает свою жизнь, на что тратит всё своё время, душевные и телесные силы всегда осознаётся им как самое важное и наиболее ценное в действительности.

Таким образом, влияние ценностей на конструирование образа прошлого несомненно, однако оно не имеет характера прямого диктата. Оно опосредовано научно-методологическими принципами, что является одной из гарантий объективности знания. Философские ценностные основания ядра исторической теории могут достаточно явно проявляться в наиболее общих её положениях, но в частных аспектах концепций и в интерпретации конкретных фактов выражаться довольно слабо, имплицитно. В своём теоретическом поиске историк не порабощён ценностными установками настолько, чтобы не видеть в эмпирических данных ничего, кроме отражения своего внутреннего мира. Ценности не препятствуют видеть Другую реальность, конструировать факты, несущие объективное содержание. Видение конкретных фактов в свете социально-исторической теории Ключевского

детерминировано не только ценностными установками, но и объективной спецификой прошлой российской действительности.

Литература:

1. Кукарцева М. А., Коломоец Е. Н. Историография и историческое мышление (аналитический обзор) // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. 2004. № 2. С. 31-49.
2. Соколов Б. Г. Гипертекст истории. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 193 с.
3. Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
5. Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. Минск: Харвест, 2007. 592 с.
7. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. В 2 т. Т. 2. / под ред. М. Ю. Лачаевой. М.: ВЛАДОС, 2004. 383 с.
8. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: АСТ: Астрель, 2003. 395 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
10. Гегель. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.